

ФОТО: ЛЮДИМИЛА БАРКОВА

ТАИНСТВО ЧАЯ

Виктор Мазурик

Снежный январский день. Во вновь открытой чайной комнате японской школы Урасэнкэ в старом здании МГУ встретились несколько человек – русские и японцы. Им предстоял ритуал «инициации котла» (хацугама), который знаменует наступление нового цикла бытия на Пути чая.

Древние представления о круговороте времен года живут в традиции «новогодних зачинов»; в них любое действие обретает свойство первозданности. Вещный сон под Новый год, первая песня, первый письменный знак, первый тур игры в старинные поэтические карты, составленные из пятистиший средневековых поэтов. Во всем этом – знаки предопределения на текущий год. Нам, русским, это напоминает ангельскую песнь Рождества: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение».

Сики Масаока:

*В первый день года
Ни правых, ни виновных –
Праздник живых.*

Исса Кобаяси:

*Дым очага
Рисует небо новое
Сегодня утром.*

Сёоу:

*Свой первый сон
Другим не расскажу,
Улыбку пряча.*

ФОТО ЯПОНСКИХ САДОВ. © УРАНА КУУЛАР (СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ЯПОНИИ»)

Особенно ощущаешь все это на чайном действе – тяною. Оно служит для обновления чувства полноты бытия и проверки нашей адекватности ему – способности «быть», а не помышлять о жизни.

«Каждый день – самый удачный», – гласила в тот день полускоростная цитата из китайского трактата «Бияньлу» на вертикальном свитке

Будущее и прошедшее – умозрительные тени, отбрасываемые настоящим.

в нише «токонома», иерархической вершине традиционного интерьера и аналоге «красного угла» в русской избе.

Трактовка изречения в духе дзен-буддизма такова, что здесь и теперь с тобой происходит самое главное, ибо только в кратком мгновении «вечного сейчас» ты можешь прикоснуться к истинному, а не привычно иллюзорному, сонному восприятию бытия. Будущее и прошедшее – умозрительные тени, отбрасываемые настоящим, через которое только и можно ощутить в себе того, кто так глубоко познал истинное бытие и окончательно слился с ним, – Будду. Впрочем, для большинства японцев чайная церемония – вполне светская практика. Ее цель – достижение внутреннего лада с самим собой, прикосновение к постоянно забываемым истокам собственной жизни. Если не считать горстки чайных мастеров (тядзин), для которых это и теперь образ жизни и род духовного подвижничества, современный японец чаще всего ищет в тяною способ приобщения к культурной традиции, школу идеальных манер, метод оздоровления и т.д. Иное восприятие Пути чая было у самураев XVI века – столетия беспрерывных феодальных войн. Длвшийся почти 400 лет процесс формирования классического чайного действа

Исторический анекдот позднего Средневековья рассказывает о некоем чайном мастере, которому князь даровал за заслуги самурайское звание. В дворянском облачении тядзин чувствовал себя непривычно. Это не ускользнуло от внимания одного вояки, промышлявшего дуэльным шантажом. В надежде получить отступного он обвинил новоиспеченного самурая в недостаточных знаках почтения и вызвал на поединок. Пообещав явиться в назначенное время, тядзин отправился к известному мастеру фехтования. Он попросил о единственном уроке: как умереть, не уронив дворянского достоинства. Фехтовальщик согласился, но сначала попросил приготовить ему чай. После чаепития он объявил, что тядзин и так обладает необходимыми умениями: надо лишь поднять меч над головой и, пребывая в том же состоянии духа, что и во время чайной церемонии, ждать выпада противника. Тядзин так и поступил. Это так поразило его соперника, что тот изменился в лице, попятился и, пробормотав извинения, скрылся. Впоследствии, рассказывая об этом случае знакомым, шантажист уверял, что никогда еще так сильно не ошибался в людях. Мол, самурай, который прикинулся сначала новичком, оказался настоящим демоном смерти, к которому так же трудно подступиться, как к «раскаленному добела металлическому шару». Он безошибочно почувствовал в мастере чайной церемонии человека с чисто воинским контролем сознания.

завершил величайший в истории чайный мастер Сэн-но Рикю (1522–1591). Вызывающе пышным чаепитиям придворной аристократии и новой воинской знати Рикю противопоставил аскетическую традицию. Она соединяет в себе важнейшие качества японской культуры: синтоистское, по-детски цельное восприятие мира, от которого не отделяется «я», и пристальное, как в дзене, внимание к настоящему моменту; воинскую незыблемость сознания и аристократически утонченную чувственность; городской прагматизм и монашескую отрешенность. Чайное действо заняло в японской культуре почти такое же центральное положение, как литургия в русской. Оно стало практическим механизмом преобразования хаоса в космос и преодоления культурной энтропии, практической моделью приближения к идеальному бытию, в котором главное – не совершенство, но совершенствование. Для воинов новое чаепитие стало школой выживания на поле брани, ибо непобедим тот, кто отрешился от всего мирского и со всем примирился, достиг идеала «кэнсон» (почти аналог греческого «кеносиса» – подвига бесстрашного самоумаления, «мощи, превозмогшей саму себя»). Не так-то просто во время чайного действа достичь идеальной свободы и концентрации сознания. Сначала нужно овладеть его канонической формой. Затем пропустить через нее «поток свободного бытия». И он сам отольется в форму чашки с идеально приготовленным чаем... Это ощущение следует сохранять во все моменты жизни, чтобы во всем достигать принципа «не-деяния», то есть деятельности вне субъективного сознания, в ощущении

Чайное действо заняло в японской культуре

почти такое же центральное положение,

как литургия в русской.

себя, по-христиански, «орудием в руке Божией» или, по-дальневосточному, «частицей вселенского Дао».

...Перед свитком в бронзовой вазе с длинным «журавлиным» горлышком стоял белый бутон камелии – обычный гость в чайной комнате зимой...

Сам чайный куст – из семейства камелиевых. На вопрос дзенского монаха о том, что есть поэзия хайку, один из основоположников принципа «макото» (истинности) в поэзии Оницура Камидзима ответил:

*Там, во дворе
Бела в цветку
Камелия.*

Истина в поэзии, как и в жизни, это не «про что», а «что». Белая камелия во дворе соединяет в себе для поэта все вопросы и все ответы обо всем. Это и есть «макото» – то, что постигается опытным путем, а не словесным суждением. Текущее неотделимо от неизменного – так учил последователь чайного мастера Рикю, великий поэт Басё:

*Смеркалось в море.
Только чуть белеют
Чаек вскрики...*

В состоянии «макото» слова поэта не кажутся метафорами. Это прямая передача непосредственного ощущения. Слова зачастую кажутся лишними.

Рёта:

*Не говорят ни слова –
Хозяин, гость
И хризантема белая.*

Хаттори Рансэцу:

*Сверчок затих.
Ни шороха не слышно...
Черная чашка.*

*Час пролетел, как одно мгновенье.
В комнате ожидания картина с зайцами напомнила о том, что на дворе 2011 год. И что «чайное сознание» начинается еще и чувство юмора, умение с необычной точки взглянуть на привычные вещи и удивиться им. Что ж, Путь чая продолжается...*

